

Невыдуманная история одной женщины
и двух немецких овчарок

СКОЛЬЗЯЩИЕ ПО КРАЮ ВОЙНЫ

Карина Кайманова

12+

Карина Кайманова
Скользят по краю войны

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кайманова К.

Скользящие по краю войны / К. Кайманова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Живешь себе, тихо, спокойно. Дерево посадил, дом построил, детей вырастил, завел собак. Теперь помогаешь детям растить внуков. Думаешь, что жизнь устоялась. Впереди пенсия- теперь-то можно пожить для себя. Но в твой город, на твою улицу приходит беда. В это трудно поверить, 21 век на дворе, над твоей головой свистят снаряды, на дорогах стоят блокпосты, по улицам ходят вооруженные до зубов националисты. И тебе приходится принимать сложные решения. Спасать семью и тех, за кого в ответе, кого приручил. Это моя история. В ней нет ни слова вымысла. Все это случилось со мной и моими собаками на самом деле. Память все сохранила до мельчайших подробностей. Я изменила только имена. Приглашаю Вас, вместе со мной, окунуться в круговорот событий. Почувствовать атмосферу тех дней. Узнать-каково приходится мирным жителям, попавшим в эпицентр "горячей точки". Я буду Вашими глазами и ушами. Жизнь- талантливый режиссер. Скучно точно не будет.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1

Конец июля. Утренний лес наполнен светом и звуками радостно щебечущих птиц. Лучи солнца пробиваются сквозь листву кленов, берез, пятнами ложатся на колею грунтовой, проложенной машинами лесников дороги. По обочинам то тут, то там лежат огромные стволы поваленных ветром, отживших свой век деревьев.

Справа лес уходит наверх. Березы стоят посреди высокой зеленой травы, усеянной цветами. Слева крутой склон спускается в овраг. Там, внизу, много валежника, темно и прохладно.

Я не спеша иду по дороге, гуляю с собаками. Две немецкие овчарки, Тася и Карма, то и дело выскакивают из кустов то с одной, то с другой стороны дороги. Пронесаются рядом со мной, пытаются задеть мою руку или на бегу потереться о ногу, и, радостно лая, уносятся опять в лес.

Такая у них игра.

Лес великолепен. Остался один месяц лета, а зелень сочная, яркая. Сказывается близкое расположение большой реки. Матушка Волга напитывает влагой землю вокруг себя.

У нас в Луганской области, на Украине, уже давно все что возможно высушило беспощадное степное солнце.

Бреду не спеша. Спешить некуда и не к кому. Еще пару недель назад у меня был дом, семья, муж, дочка с зятем, маленькая внучка, дача. Забот было столько, что я вечером еле доползала до кровати.

А теперь я одна. В другой стране, в другом городе, без угла, без работы. Никому не нужна. Нужна, конечно, своим собакам. Я цепляюсь за них, они за меня.

Как будто снаряд попал в нашу семью. Всех разметало. Сын остался на Украине, дочку с семьей забросило в Санкт-Петербург, меня с собаками – в маленький городок в Саратовской губернии. Муж вообще пропал без вести.

В первые дни я чувствовала себя как человек, только что пришедший в себя после тяжелой болезни.

Радовало все: тишина летнего утра, вечерние посиделки с бабульками на лавочке у дома, спокойные, доброжелательные лица жителей городка. Гуляя по улицам, я заходила в кафе, брала пирожное и капучино, не спеша просматривала местные газеты. Потом, когда жара спадала, шла в сквер, садилась на лавочку и смотрела, как играют дети. Смех их казался волшебной музыкой.

Я радовалась за свою внучку, что она наконец-то в безопасности, тоже смеется, играя с детьми на детской площадке, пусть даже далеко от меня. Беспокоило только то, что пропала связь с мужем. Но надо подождать. Еще не время отчаиваться.

Все внимание я сосредоточила на собаках. Это моя стая, я в ней вожак. Между мной и овчарками установилась ментальная связь. Они ловят каждое мое движение, каждое слово, выполняют все мои просьбы. Не команды, а слова, сказанные спокойным, тихим голосом. Часто и говорить ничего не надо, достаточно просто подумать.

Да, пережили мы многое с моими девчонками. И теперь, во время долгих прогулок с собаками в лесу, я приводила свои мысли и чувства в порядок. Прогоняла в памяти все, что с нами случилось, с чего начиналось.

Глава 2

Я родилась на Крайнем Севере. Там встретила мужа, там родились мои дети. Жизнь на Севере отличается от жизни в средних широтах. Короткое лето не согреет вас теплом, но насытит солнечным светом. Солнце день и ночь бродит по небу, не давая полноценно выспаться.

Бывало, в июле в два часа ночи мы садились на велосипеды и ехали в лес за черникой или грибами. К семи утра с полными корзинами возвращались домой и ложились спать.

Случалось: глянешь на часы – восемь часов, спохватишься – опоздал на работу. Бежишь, на ходу одеваясь. Запыхавшись, влетаешь на фирму, а там только дежурные. Смеются, восемь часов, но не утра, а вечера.

Зимой, наоборот, город погружается в тягучую темноту на несколько месяцев. Слегка рассветает на пару часов в полдень. Солнце появляется только в феврале. Робкий лучик из-за горизонта в ясную морозную погоду на несколько минут осветит кончик высоченной трубы горно-металлургического комбината.

Эта новость моментально разлетается по городку. Люди выбегают на улицу, радуются, поздравляют друг друга с окончанием полярной ночи. А до этого сонные, хмурые люди ходят на работу, по магазинам. По вечерам сидят дома у телевизоров.

Конечно, кто любит движение, для того до полуночи освещенные каток с музыкой, лыжная трасса, горнолыжные спуски, горки для катания на санках и снежокатах. Я с детства привыкла к лыжам и конькам. И детей приучала к активным прогулкам. Жить было весело и интересно.

А мне всегда хотелось жить там, где тепло, где растут яблоки и помидоры. Вообще, на Севере все мечтали уехать в теплые края.

Толчком к переезду послужило то, что у старшего сына диагностировали астму. На Украине у меня жили дедушка и бабушка. Они тоже после выхода на пенсию перебрались туда, где климат помягче. С десяти лет я каждое лето проводила в Рубежном у бабули и дедули. Небольшой промышленный город на востоке Украины очень нам нравился.

Время для переезда было не самое удачное – только распался Советский Союз. Промышленность стояла, магазины встречали пустыми полками, на работе задерживали зарплату. За первый год после переезда, чтобы прокормить семью, мы продали все мои золотые украшения и кое-что из дорогих вещей, привезенных с Севера. Было очень трудно после сытой жизни за Полярным кругом.

Но перетерпели как-то, все потихоньку наладилось. Я устроилась на стабильное предприятие, с хорошей зарплатой. Мужу повезло меньше: ему несколько раз приходилось менять место работы, но без дела он тоже не сидел.

Дети выросли. Сын завел семью, у него двое детей. Дочка окончила школу с серебряной медалью и институт с красным дипломом.

Все время нашей семейной жизни с нами были собаки. Сначала, на Севере, первым был эрдельтерьер Майкл. Двое взрослых, девятилетний ребенок и энергичный, своенравный пес без проблем уживались в однокомнатной восемнадцатиметровой квартире.

Опыта в обращении со столь серьезной собакой у нас не было. Мы относились к нему как к ребенку. В результате пес манипулировал нами как хотел. Даже стыдно вспоминать, как я кусочками мяса пыталась приманить убежавшего от меня невоспитанного питомца. Майкл считал, что он собака, которая может гулять сама по себе.

Терпение наше кончилось, и он пошел на общий курс дрессировки. А заодно с ним курс дрессировки прошли и мы – неопытные собаководы.

Инструктор, очень хорошенькая девушка, несмотря на свой хрупкий вид, оказалась жестким учителем. На первом же занятии она расставила акценты: она дрессирует хозяев, мы дрессируем своих собак. Для особо непослушных, избалованных хвостатых учеников у нее был наготове кожаный хлыстик, знакомство с которым сразу приводило гулен и драчунов в чувство и заставляло особо ценить своих добрых и терпеливых хозяев. Майкл оказался талантливым учеником. ОКД закончил с отличием.

Потом муж прошел с ним и курс защитно-караульной службы. Сам так увлекся дрессировкой, что выучился на кинолога. Стал давать уроки.

Глава 3

Однажды, вернувшись с работы, во дворе своего дома я обнаружила незнакомую собаку. Чистокровная немецкая овчарка, очень крупная сука на высоких мускулистых лапах. Спина темная, лапы и живот светло-серые. Короткая, лобастая морда, не очень большие круглые карие глаза посажены близко к переносице и напоминают глаза умной старой обезьяны.

Собака посмотрела на меня каким-то уставшим взглядом и равнодушно отвернулась. Даже не сделала попытки подойти, познакомиться.

– Это что за явление на нашем дворе? – спросила я прямо с порога.

Муж давно мечтал о породистой овчарке. Элитные собаки стоили недешево. Я, конечно, знала о его мечте, но денег на дорогую собаку у нас не было. Он хотел щеночка, вырастить и воспитать, используя свой богатый опыт собаководства. А эта собака совсем не молодая, а даже наоборот – старая.

– Вот, смотри, – муж протянул мне бумагу.

Договор, заверенный юристом: "Питомник такой-то передает такому-то на ответственное содержание суку породы немецкая овчарка, кличка Бруна Даури.

Если у собаки появится приплод, то щенки делятся пополам между заводчиком и питомником. В случае ненадлежащего ухода за собакой питомник имеет право изъять собаку у заводчика".

К договору прилагалась родословная, из которой следовало, что дедушки и бабушки, отец и мать – все проживали аж в самой Германии, а собака – чемпионка Украины и победитель международных выставок. Да, знатная птица!

– Ее списали из питомника, повязали в последний раз. Старая уже. Выработала свой ресурс. В питомнике содержать стало невыгодно. Если получится, будет у нас перспективный щенок.

– А если не получится?

– Ну, что ж, будет доживать свой век у нас.

Немного кольнуло, что муж не посоветовался со мной, принимая такое серьезное решение. Животных я очень люблю, поэтому делать обиженный вид не стала. Взяла на кухне «вкусняшку» и пошла знакомиться с новым членом семьи.

Собака позволила себя погладить, но совершенно равнодушно. Как будто она уже потеряла всякий интерес к жизни и не ждала от людей ничего хорошего. "Ладно, подожди, ты еще увидишь светлые деньки", – подумала я.

Хорошее питание, уход за шерстью, регулярные прогулки принесли результат. Собака поправилась, шерсть стала блестящей, и только глаза оставались грустными.

На дворе стоял июнь, и беременная мучилась от жары. Я взяла за правило каждый день гладить и жалеть ее: "Бедная девочка, плохо тебе, потерпи, скоро будет легче". Бруна никак не реагировала, по-прежнему вела себя отчужденно.

Хозяйка питомника предупредила, что щениться наша подопечная будет тяжело. За день до срока ее надо доставить в питомник. Они окажут ей квалифицированную помощь.

И вот час «X» настал. Я пришла с ночной смены и застала несчастное животное забившимся в угол за сараем. Собака, тяжело дыша, подняла на меня полные боли глаза.

Мужа дома не будет до вечера. Надо срочно что-то делать. Созвонилась с питомником. Вызвала такси. В машину несчастная забралась без сопротивления. Нас встретили, сняли с Бруны ошейник с поводком, увели в специальное помещение, где, по словам хозяйки, у собаки не раз принимали щенков.

Я пошла домой. Договорились созвониться, когда все закончится. До вечера несколько раз звонили узнать, как дела. Наконец нам сообщили, что родилась одна очень крупная девочка.

На следующее утро пошли с мужем забирать домой маму с малышкой. Наталья, так звали хозяйку питомника, принесла нам маленький черный комочек, такой плотненький, с коротенькими розовенькими лапками, слепой губастой мордочкой и толстеньким, как прутик, хвостиком. Обычно новорожденные щенки немецкой овчарки весят триста – триста пятьдесят граммов. Наша потянула на полкилограмма.

Пока мы умилялись, осматривая малышку, мать крутилась возле нас, наверно переживая, что опять, как и много раз прежде, у нее заберут ребенка.

Щенка уложили в застланную пеленкой коробку и направились к выходу. И тут Бруна неожиданно, опершись на задние лапы, передние положила мне на плечи и стала лизать мою щеку.

– Ах ты, лиса! Не переживай, и ты пойдешь с нами. Сейчас все пойдем домой! – засмеялась я.

Наталья с досадой передернула плечами:

– Что это с ней? Я такого от нее никогда не видела, она ласкаться совсем не любит.

Муж тоже чувствовал себя неловко – хозяин-то теперь он.

Дома маму с ребенком поселили в просторном вольере. Бруна души не чаяла в своей последней дочке. Вылизывала, еле касаясь языком, всем своим видом выражая, насколько дорога ей эта малышка.

Малую называли Таис, проще – Тася. В клубе собаководов нам сообщили букву, с которой должно начинаться имя новой собачки. Таис – мы выбрали сами. Она росла, окруженная любовью всей нашей стаи: матери, меня, мужа, нашей дочери, которая в то время училась в университете в Донецке, но каждые выходные приезжала домой.

Как-то раз зимой пошли с мужем, Бруной и подросткой Таськой гулять на пустырь за домами. Взяли теннисный мячик. Стали закидывать его подальше, побуждая собак отыскать и принести его назад. Бруна сначала, как обычно, была равнодушна. Но потом что-то щелкнуло у нее в голове, и она отдалась игре. Радостно понеслась на своих длинных, породистых лапах за летящим мячом, схватила его в пасть и, уворачиваясь от наскაკивающей Таськи, побежала к мужу. Села перед ним, как положено воспитанной собаке. Отдала по команде мяч, а потом, от нетерпения крутясь на месте, присела, ожидая, когда игрушка полетит снова.

Карие глаза ее заблестели, как два драгоценных камешка. Тело напряглось, как пружина. Я увидела, как хороша была эта собака в молодости.

"Хоть на старости лет поживет как человек", – как-то раз сказала о Бруне моя подруга. И это правда. В питомнике слишком много собак, чтобы с каждой играть и налаживать личный контакт. Да и цели другие: получение медалей, а потом рождение как можно большего количества элитных щенков.

А Бруна оттаяла, доверилась нам. Стала ласковой, но в чем-то своенравной. Очень любила на улице подраться с чужими собаками. Поэтому на прогулках мы всегда были начеку.

Через два года, осенью, она как-то резко сдала. Я увидела, что она не может перепрыгнуть через полуметровую оградку, чтобы повозиться на своей любимой компостной куче в углу двора. Через пару дней она уже слегла, а через неделю ее не стало. Ей было 12 лет. Видать, организм ее истощился из-за частого рождения щенков на продажу.

Глава 4

Из Таськи мы решили вырастить суперсобаку. С первых дней жизни я массировала ее крохотные лапки. Прикладывала к розовым горошинкам нежных подушечек на пальчиках то прохладный скользкий шелк, то гладкий мех, то шершавую вязаную тряпицу. Опускала кончики лапок в теплую и холодную воду.

Когда открылись глазки, мы стали выносить ее на улицу. С месяца начали знакомить с миром за калиткой. На руках носили ее по городу. Малышка внимательно смотрела на пешеходов, машины, велосипедистов, других собак и кошек.

В месяц муж отнес ее в клуб, где ей на розовом пузике вытатуировали клеймо. Выдали щенячью родословную. К трем месяцам, играючи, она освоила все основные команды. К году превратилась в крупную, статную чепрачного окраса овчарку с черной блестящей спиной, ярко-рыжими боками и роскошным густым воротником на мощной груди. Широкую морду она унаследовала от матери, а глаза и не очень длинные лапы от отца.

В общем, идеально подходила под стандарт немецкой овчарки. На всех выставках с легкостью брала первые места. К двум годам стала чемпионкой Украины.

Муж постоянно занимался с ней: обучал ее делать выборку (определять и обозначать разные запахи). Она находила взрывчатку, наркотики, отличала денежные купюры по достоинству. Шла по следу.

Для развития физической силы муж запрягал ее в специальную упряжь: к шлейке с двух сторон прикреплял цепи, на которых крепилась старая автомобильная шина. Таська без труда тащила конструкцию по кругу. Сначала мы бегали рядом с ней, а потом уже просто заводили ее на круг, давали команду: "Ап, ап!", и собака сама нарезала круги, как заправский спортсмен в тренажерном зале.

На экзаменах ОКД и ЗКС она набрала 98 из 100 баллов.

Карма была дочкой Таис из первого помета. В помете было семь щенков, поэтому щенки уже были обычного веса – триста пятьдесят граммов. Так что дочка не догнала свою мать размерами. С Кармой занимался муж. У меня в то время появилась внучка, и времени на собаку не было.

Я еще работала на комбинате, когда мне стали сниться маленькие дети. Как будто вожусь с грудным ребенком. Я отмахивалась от видений, у сына младший только подросток, а дочке еще два года учиться в университете.

И когда дочь сказала, что была у врача, но еще слишком маленький срок, чтобы сказать точно, я уже знала – у нас будет малыш. По правде говоря, я уже давно мечтала о том, как дочка подарит нам маленькую девочку.

У сына было два мальчика, отношения с невесткой и ее родственниками не складывались. Каждая наша попытка пообщаться с детьми заканчивалась приступами ревности со стороны второй бабушки. В конце концов детей поставили перед выбором: или они, или мы. Я не стала бороться за их любовь. Не хотела травмировать мальчишек. Не хотела портить себе карму, ввязываясь в мелкие разборки.

Так что, когда расстроенная дочка сообщила нам, что ждет ребенка, мы с мужем были на седьмом небе от счастья. Решили, что четвертый курс она доучится в Донецке, на пятый переведется в Луганск. Я увольняюсь с работы и буду заниматься малышкой. С самого начала была уверенность, что родится девочка. Так и вышло.

В августе 2012 года дочка из роддома прислала первое фото нашей принцессы. В забавном колпачке, в цветной распашонке, спит, пытаясь во сне пососать кулачок через зашитый рукав кофточки. Это фото до сих пор храню в телефоне.

Когда забирали их из роддома, медсестры устроили что-то типа шуточной викторины: задавали какие-то смешные вопросы родителям, бабушкам, дедушкам, друзьям. Несколько раз пытались что-то спросить у меня, но Вероника уже попала ко мне на руки, и я ничего не слышала, не видела вокруг, а только смотрела на свою долгожданную внучку.

В середине сентября дочка поехала на первую сессию. В бюстгальтер ей подложили прокладки, чтобы не протекало молоко. Было ясно, что с грудным вскармливанием покончено. Дочка уезжала на целый день.

Вероника легко перешла на современные молочные смеси, но, видать, сосательные рефлексы требовали свое. Только муж брал ее на руки, она, как маленький вампирчик, присасывалась к его бицепсу. В результате на коже дедушки оставались круглые бордовые пятна от ее маленького ротика.

Полтора года пролетели в счастливых хлопотах. Дочка с красным дипломом окончила институт, устроилась на работу. Малышка подросла. Ребята сняли квартиру. Каждое утро зять на машине завозил ко мне ребенка, вечером после работы – забирали ее домой. Нередко на выходные я оставляла Веронику на ночь, давала ребятам возможность побыть одним.

Все шло своим чередом, я, можно сказать, наслаждалась каждой минутой, проведенной с внучкой. Не забывала благодарить Бога за то, что исполнил самую большую мою мечту.

Глава 5

Когда начался очередной Майдан в Киеве, мы отнеслись к этому спокойно. Даже пренебрежительно: опять «вуйкам» зимой в деревне скучно стало, вот они в Киев и потянулись. Чем на морозе в деревенских туалетах зады морозить, лучше осваивать теплые подъезды киевских многоэтажек.

Побузили, помитинговали, власти на провокации не поддались. Стали, вроде, уже и разъезжаться. Но тут совершенно непонятная новость: ночью полиция разогнала палаточный лагерь студентов. Это то же самое, что вслед уходящей после разборок, закончившихся перемирием, группе подростков бросить камень.

Все закипело, забурлило, полилась кровь. Президент, как трусливая собака, сбежал за границу. В западных областях националисты стали захватывать администрации, отделения милиции, оружейки.

У нас было все спокойно. Только по телевизору стали показывать жесткие сюжеты: бегущие толпы, скачущие под кричалки: "Кто не скачет, тот москаль", "Москаляку на гиляку (на виселицу)!". Горящие и растоптанные георгиевские ленточки, красные знамена, российские флаги.

Один сюжет просто поразил: какие-то новоиспеченные «казаки» в синих шароварах, в вышиванках, с оселедцами (длинная прядь волос на бритом черепе) показывают свое умение махать шашкой. Потом дают шашку малышу лет четырех, тоже одетому под казака:

– Богданчик, покажи, как ты москалей рубить будешь? Вот так их шашечкой, вот так!

А потом прямо в экран:

– Мы приглашаем российских казаков приехать к нам. Будем рубиться на шашках – кто кого?

И совершенно понятно, что приглашает не на соревнования, а на настоящий бой.

Разговаривала с матерью по скайпу:

– Ты знаешь, я сегодня говорила с одной знакомой из Закарпатья, так вот она сказала: «Мы все сидим и ждем, когда начнется война».

– Мам, какая война, с кем они воевать-то собрались? С Россией, что ли? Они что, самоубийцы?

Киев бесновался. От: "Хотим кружевные трусики и в Евросоюз" до: "Никогда мы не будем братьями...".

Богиня Украинской "революции гидности" направила свой беспощадный взор на Крым и ощерила окровавленные клыки, чувствуя запах смерти и разорения непокорных сторонников русского мира. Но Крым с Божьей помощью и Российской армии ловко выскочил из приготовленной для него западни.

Тогда чудовище повернулось в сторону Донбасса. Затаилось, изучая новую жертву, готовясь напасть. А жертва еще ничего не подозревала. Люди ходили на работу, дети ходили в школу и в садик, пенсионеры копались на своих дачах, бабульки сидели по вечерам на лавочках у подъездов.

Прошел март. Националисты постоянно делали выпады в сторону востока, обещая приехать "поезда дружбы" с вооруженными молодчиками. Провоцируя нас на ответные шаги.

В апреле наши тоже стали занимать администрации, но как-то спокойно, без сопротивления. Нет, не в Рубежном, в Рубежном никто ничего не занимал. Был митинг в поддержку евроинтеграции. На него привезли несколько автобусов «участников» из Днепропетровска. Помитинговали, сделали картинку для телевидения. Уехали. Местных на нем было очень мало.

Потом был митинг против переворота в Киеве. Мы с мужем пошли. Взяли внучку. С ребенком встали в стороне, близко не подходили – опасно. На площади возле администрации

собралась кучка пожилых женщин с плакатами: "Нет бандеровцам!", "Мы наследники победителей фашизма!". Выступило несколько ораторов: коммунисты, представители администрации. Бабульки бодро скандировали: "Фашизм не пройдет!"

Но главные участники стояли за деревьями, по периметру площади. Сбившись в кучки, курили, тихо переговаривались.

Размахивая флагом Украины, по площади ходил неопрятный мужчина лет пятидесяти. Кричал:

– За Украину, неньку. За украинську мову! Граждане, братцы, мы же любим Украину!

Подошел к нам, заглядывая в глаза: "За Украину..." Мы молча стояли, стараясь не встречаться с ним глазами. Отошел к другой группе, не находя ни у кого поддержки. Я знала этого мужчину: предприниматель, любит собак, держит скотину. Безобидный и простодушный работника. Уверена, из всех, кто сейчас находился на площади, никто не был против Украины и украинского языка. Многие из нас, особенно кто приехал из окрестных деревень, разговаривали на украинском, а кто здесь родился – любили свою Родину. Но в данной ситуации его призывы имели совсем другой смысл.

Мужчина, так и не найдя сочувствующих, ушел.

И вот провокаторы. Человек пятнадцать-двадцать. Вышли прямо к микрофону колонной, пестрящей желто-голубыми флагами. Со всех сторон большой площади к ним бросились дежурившие за деревьями защитники. Минута, и колонна утонула в толпе сбежавшихся мужиков. Из толпы вылетали поломанные дровки, разорванные сине-желтые ошметки.

С площади в сторону сквера побежали два укропатриота, несколько полицейских со всех ног рванули за ними. Убегающие и преследователи скрылись за домами.

А в это время на площади толпа расступилась, и мы увидели, что «свидомые» спокойно стоят группкой возле автомобиля полиции, только уже без знамен в руках.

Вечером дочка показала мне видео задержания одного из убежавших. Это произошло под окнами офиса, где работала дочь. Конечно, все бросились к окнам смотреть, многие снимали на мобильники. Сначала было непонятно, почему полицейские догоняли буйных, но на записи видно: убежавший держал в руке над головой гранату. Естественно, стражи порядка бросились за ним: мало ли что задумал отморозок – может, гранату в толпу швырнуть или себя подорвать.

Когда полицейские настигли беглеца, граната покатила им под ноги. Представляю, что пережили ребята. Но граната оказалась муляжом из школы, а "обезьяной с гранатой" – учитель физкультуры из той же школы. Когда его, взявши под белы ручки, вели к машине, он истерично орал:

– Слава Украине!

А когда подвели, стал биться головой о бок полицейского автомобиля. Его скрутили, запахнули на заднее сиденье. Но парень пытался как можно больше заляпать полицейских своей кровью из разбитого лба. Знал, что все будет снято на видео. Не зря старался. На следующий день все центральные каналы показали, как на митинге в Рубежном жестокие полицейские заталкивают избитого патриота в машину. А о том, что предшествовало этому эпизоду, – ни слова. Да и митинг в репортаже оказался в поддержку майдана, но кто будет разбираться, что все перевернуто с ног на голову?

Глава 6

Майдан широко шагал по стране. По телевизору скачущие и орущие толпы «свидомых» по всей стране крушат памятники Ленину. Из интернета новости о том, где что сожгли, где ограбили, где убили... Мы ходили притихшие, подавленные, как будто барахтались в тягучем, сером болоте неопределенности.

Глядя на Крым, и у нас пошли разговоры о самоопределении, о референдуме. Разговоры эти подогревались предчувствием надвигающейся на нас большой опасности. В сторону наших городов по всем дорогам стекались силы Украинской армии. Окружая нас плотным кольцом. Просто стояли в пригородах, в лесах, по полям. Не стреляли, дороги не перекрывали. Тоже ждали референдума. Как охотник, залегший в засаде и ждущий момента для выстрела.

В городе тишина. На столбах и бетонных заборах, вдоль дорог стали появляться свеженанесенные коричневой краской нацистские руны. Это меня беспокоило: как будто видишь тайное послание: "Готовьтесь, мы здесь, мы вас видим, мы идем к вам".

27 апреля Луганский облсовет провозгласил о самоопределении и образовании Луганской Народной Демократической Республики и о намерении провести референдум.

В последних числах апреля с утра на каждом столбе у дороги белели объявления: "11 мая в г. Рубежное состоится референдум. На референдум выносится вопрос: поддерживаете вы или нет акт о государственной самостоятельности Луганской Народной Республики". Примерно такой текст.

Сердце мое радостно забило. Настроение улучшилось. Появился свет в конце тоннеля непрекращающегося хаоса революций. Простой и красивый выход, за Крымом, скорее, к спокойной и счастливой жизни.

Муж узнал через знакомых, где штаб по подготовке референдума. Хотелось поучаствовать. В одной из хрущевки к облезлой коричневой двери трехкомнатной квартиры на первом этаже по всей лестнице выстроилась очередь. Люди заходили один за одним, недолго задерживались, на выходе рассовывая по пакетам стопки белых бумажек.

В квартире везде – на подоконниках, на столе, на стульях, просто в углу на полу – лежали пачки свеженапечатанных приглашений на референдум. Помещение нежилое. Несколько женщин споро расправлялись с очередью. Одна записывала посетителей в журнал, выясняя, где данный человек планирует распространять приглашения. Две других отсчитывали и выдавали нужное количество пачек. Четвертая на карте города делала отметку, чтобы ни один дом не остался без уведомлений.

Теплый апрельский вечер был наполнен ароматами весны: сладким – цветущих деревьев, свежесорванным – молодой листвы и прелым – теплой земли. Вся улица утопала в бело-розовой пене цветущих яблонь и вишен. У нас старались заполнить любой клочок земли и сажали фруктовые деревья вдоль заборов – и красиво, и полезно.

Наконец-то ко мне пришло это прекрасное настроение, которое бывает только весной, когда все вокруг пробуждается к новой жизни, буйно растет, цветет и щебечет. Мы летали от калитки к калитке, раскладывали бумажки по почтовым ящикам, оставляли в щелях ворот. Подшучивая друг над другом, тихо смеялись, стараясь не беспокоить собак за воротами.

Несколько раз в сумерках мелькали темные фигуры каких-то людей. Это было странно – обычно с наступлением темноты у нас по улицам не гуляют. В частном секторе нет ни одного фонаря на столбах. Если приходилось выходить в город в темное время – подсвечивали себе под ноги фонариками.

К десяти часам вечера приглашения закончились. Уставшие, но довольные, вышли на свою улицу. В нашем почтовом ящике что-то забелело в свете фонаря. Открыла дверцу, и на землю полетели, как белые бабочки, приглашения на референдум. Сколько их? Штук восемь,

десять. Так вот значит, что это за тени мелькали. Такие же, как мы, добровольцы. Каждый бросил в наш ящик приглашение из своей пачки. И так ведь по всему городу.

За несколько дней до референдума случилось ужасное. Сначала поступали тревожные сведения, что радикалы съезжаются в Одессу. Около тысячи «нациков» встали на подъездах к городу. Перекрывали дороги. Уже было предчувствие – в Одессе что-то намечается на Первое мая. Ведь в городе была самая сильная оппозиция Майдану.

Муж целый день второго мая смотрел по интернету стримы из Одессы.

Крики. Крики. Крики.

Потом расстроено сказал:

– Все, Одессе конец.

Это правда, конец, там, в Доме Профсоюзов, сгорела наша любимая столица юмора – веселая Одесса.

На референдум утром 11 мая пошла со смешанным чувством: побаивалась, что нас будет немного. А на улице люди шли со всех сторон к избирательному участку. Даже образовалась очередь на улице у входа на избирательный участок. В очереди много знакомых с моей бывшей работы. С некоторыми перекинулась парой фраз:

– Вы тоже пришли?

– Ну да, я еще сомневался, но после Одессы уже твердо решил идти.

Проголосовали. Кругом – в зале, на лестнице, у входа – дежурят суровые ребята. Все наши, местные работяги. Муж подошел поздороваться. О чем-то тихо с ними поговорил, а потом сказал мне:

– Иди домой. Я останусь с мужиками. Надо проследить, чтобы не было провокаций, а потом повезем бюллетени в избирком. Тоже надо охранять – могут напасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.